

Театр есть исповедь

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

по простоте форме выкристаллизована суть прошлого, настоящего и будущего. Сегодня все это волнует нас, и именно об этом будут спектакли нашего театра.

Надо вернуться к национальным истокам театра. Ведь они есть у каждого народа — обряды, традиции, многие из которых очень эмоциональны. Они красочны, музыкальны, зрелищны. Было бы просто замечательно, если бы театр мог достичь высот нетленных духовных памятников народа — эпоса «Коркут-ата», «Кёр-оглы», дестанов. Может быть, это и невозможно, но задачу такую необходимо перед театром ставить.

Я только что сделал спектакли по нескольким главам «Коркут-ата»: в академическом — «Огуз ойны», а в экспериментальном — «Дели Домрул». И попытался использовать в них красоту и приемы, присущие народному искусству. А если бы эти традиции органично вписывались и в пьесы великих драматургов, то, может быть, тогда зритель стал бы более восприимчив и к европейскому театру, к классической драматургии. Я хотел бы найти гармоническое единство национального, классического и лучшего современного репертуара на сцене туркменского театра. Он возвращается сейчас к народным истокам, чтобы влиться в мировой театр.

Сона Мурадова: Да, Ка-

каджан, такое желание у нашего театра было, по-моему, всегда. Мы играли «Келля» и «Кероглы», «Кеймиркёра» и «Честь семьи», «Махтурмуш» и «Решающий шаг». Играли Островского и Редьки, Пушкина и Горького, Гоголя и Мольера. Нашими авторами были Сидики и Гамзатов, Ниязи и Барсбек, Исоелиани и Вахидов. Но — увы! К сожалению, не всегда наши спектакли доставляли радость зрителям, да и нам самим.

И все-таки вкус к хорошей, настоящей литературе у нашего театра был всегда. Я бы предположила, что изысканность вкуса вам, Какаджан, досталась по двойному наследству — от вашего отца, великолепного ювелира и удивительного садовника, и по традиции — от театра. Доказательство этому — не только ваши работы последних лет, но и более ранние спектакли: «Драматическая песня», «Доходное место», «Угрождение строптивой». И, отдавая должное вашему режиссерскому таланту и мастерству артистов, хочу сказать: безоговорочный, повсеместный успех вашей постановки «Джан» по Илатону — еще одно ярчайшее свидетельство значения для сцены первоклассной литературы.

Какаджан Аширов: Мне хочется вспомнить еще об одной прекрасной театральной традиции — заботе мастеров о молодых антрахах.

Буквально с первых шагов в театре я почувствовал

очень доброе отношение к себе старейших сцены. Аман Кульмамедов специально для меня предложил поставить «Слугу двух господ» — я играл Труффальдино. Алты Карлиев, увидевший меня в студенческом «Ревизоре», утвердил на главную роль в фильме «Мой друг Мелекуш».

Очень дорожил я сердечной расположенностью ко мне Базара Аманова. Он являлся, как тогда было принято, моим наставником. Но это было, я думаю, обусловлено нашим обоюдным влечением друг к другу. «Чтобы быть моим учеником, надо очень много работать», — говорил мне Базар-ага и разбирал со мной мои и свои роли, подбадривал, бывало, даже во время спектакля: мы с ним были партнерами в «Ревизоре»: он — Осип, а я — Хлестаков. Приносил мне очень много книг по истории, культуре Туркмении.

А незадолго до смерти Базар-ага пошел к министру культуры и попросил его поддержать меня, потому что надеялся, что из меня со временем «выйдет хороший театральный деятель». Что из меня «вышло» и что я буду представлять собой завтра — судить вам, моим коллегам и зрителям. Но я лишен права не оправдать такого высокого отеческого доверия.

А помните, Сона Мурадова, когда я, начинающий актер, 13 лет назад ставил свой первый спектакль «Драматическую песню» и предложил вам эпизодиче-

скую роль торговки спиртным — и вы согласились. Что, вам, признанному мастеру, это было очень нужно или очень интересно? Да нет, конечно. Просто вы поняли, как важна была для меня в тот момент ваша поддержка.

Для меня все это — и ваше участие в моих спектаклях, и работа с вами и другими корифеями театра в качестве партнеров — не только и не столько уроки мастерства, это — гораздо выше. Это — уроки этики, человечности, ответственности. И я благодарен судьбе, что моя жизнь оказалась тесно связанной с жизнью академического театра и его новаторей.

Сона Мурадова: Жаль, что в последние годы эта добрая традиция почти утеряна. Ведь наставничество — это обоюдная потребность, а не временная кампания. И здесь многое зависит прежде всего от молодых артистов, от их желания поддерживать творческое, человеческое содружество, воспринимать наши советы. А может быть, это уже не нужно молодежи? Не хочется в это верить. Тем более, что мне самой и моим ровесникам это общение необходимо. Чтобы чувствовать себя нужной — и им, и театру в целом, и зрителям. Это дает силы жить, преодолевать невзгоды, неприятности, которых в нашей жизни, особенно в театре, всегда хватает с избытком. Я знаю только два способа забыть или даже избагниться от них. Первый — это об-

щение с моими правниками и второй — выход на сцену.

— Сегодня, во времена политических и экономических, национальных и нравственных потрясений, которые мы переживаем, во многих театрах наблюдаются кризисные явления. Не обошли они стороной и наши творческие коллективы. Выход, как можно судить по нашей беседе, есть. И все-таки: как быть со зрителем, Какаджан? Ведь не будет его — и театр окажется ненужным.

— Желание пойти в театр во многом зависит, на мой взгляд, от экономического состояния общества. Если человеку некогда почитать книгу, послушать музыку, посетить музей, если все его мысли заняты добыванием хлеба насущного, то ему, конечно, и не до театра. Но ведь не хлебом единым жив человек. Вот почему я солидарен с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, убежденным в том, что без оздоровления культуры, без ее реставрации мы не спасем и экономику. «Нам всю жизнь втолковывают, — говорит он: — материя первична, дух вторичен. Неправда это. Первичен дух! Все остальное производное либо духа, либо бездуховности. И экономик — в том числе».

Без красоты, духовности, нравственности нет Театра, нет настоящей жизни, достойной человека, — доброй, умной, радостной.

— Дай Бог вам, Сона Мурадовна и Какаджан, вашим коллегам здоровья и таланта и впрямь без усталости идти дорогой искусства. Искусства, которое облагораживает душу, делает добрым ум и умным — сердце.

Белодовал
Л. КАЧУРИНА.